

Анна Старобинец

Щель

Я заглядываю в комнату. Моя пятилетняя дочь играет на полу, бормоча себе что-то под нос. Она сидит на цветастом турецком ковре и, почесывая об него свои голые пятки, заплетает косичку большой старой кукле. Я улыбаюсь, тихо прикрываю за собой дверь, но тут же соображаю, что забыл попросить ее надеть носки: открываю дверь снова и ловлю на себе ее напряженный, испуганный взгляд.

– Никогда нельзя так делать, папа, никогда нельзя!

– Как делать? – удивляюсь я.

– Никогда нельзя два раза подряд открывать дверь.

– Почему?

– Ты не поймешь.

– Но ты все же попробуй объяснить.

– Ты не поверишь.

– А если поверю?

– Потому что, ну потому что, когда ты так делаешь, – возбужденно тараторит она, – когда ты делаешь так, получается щель – не настоящая, вернее, настоящая, но невидимая щель, между мирами, и через эту щель может быстро проскочить Бог, – она страшно округляет глаза, – и утащить тебя туда.

– А если открыть дверь три раза? – интересуюсь я.

– Три раза – это ничего. А вот четыре – даже хуже чем два.

– А пять? – Мне становится все любопытнее.

– Пять можно.

– Шесть?

– Нельзя.

– То есть четные числа? – зачем-то спрашиваю я, и она, естественно, молчит: она не понимает, что такое “четные числа”. – И откуда же ты это знаешь? – спрашиваю я.

Видимо, в моем тоне, незаметная для меня, проскальзывает ирония. Во всяком случае, она сразу чувствует, что что-то не так, и обиженно надует губы:

– Я же говорила, что ты не поверишь...

– Откуда ты знаешь? – повторяю я как можно более серьезно и проникновенно.

Но она больше не доверяет мне; кроме того, наш разговор, кажется, ей наскучил. Она уже снова возится с белой синтетической косой и нехотя отвечает, даже не глядя в мою сторону:

– Я знаю. Просто знаю.

Еду на работу. Час пик.

“Осторожно. Двери закрываются. Следующая станция – “Белорусская”.

В вагон продолжает медленно вливаться толпа решительных пустоглазых людей. Мне выходить на следующей, но я даже не пытаюсь сопротивляться, спокойно даю им оттеснить себя в глубь вагона.

Ко мне прижимается невысокий, изящный молодой человек. У него очень волосатые руки – кисти рук. Все пальцы покрыты курчавыми черными волосками, и даже на ладонях, кажется, видна темная поросль. Лицо чисто выбрито, но синеву, предвещающую скорую щетину, не скроешь; эта плодородная синева поднимается до самых глаз. Странно, думаю я, столько растительности на таком юном лице – куда естественнее выглядело бы ее полное отсутствие, гладкая нежно-розовая кожа...

Двери поезда захлопываются и опять открываются. “Отойдите от края платформы!” –

раздается из громкоговорителя. Двери сталкиваются и разъезжаются снова. “Посадка окончена”, – раздраженно говорит машинист. И еще раз – хлоп-хлоп... “А ну отпусти двери!” – ревет машинист, и невидимый хулиган наконец отступает. Поезд рывком трогается и ныряет в гремящую темноту.

Молодой человек готовится к выходу: своей волосатой рукой лезет в карман куртки, извлекает оттуда гигиеническую губную помаду – на улице мороз – и аккуратно возит ею по пухлым капризным губам.

Мрачный красномордый мужик, как и я – только сбоку – притиснутый к юноше, что-то злобно бормочет. Звуки растворяются в грохоте поезда, но по губам легко читается: педик.

Я пробираюсь к дверям. Молодой человек мне подмигивает. Красномордый, кажется, хочет сплюнуть на пол – но сдерживается.

Устало карабкаюсь по лестнице вверх и выхожу из метро.

Это не “Белорусская”. Хотя и очень похоже. Тверская улица, мост... Но под мостом, с шумом унося за горизонт обломки заснеженных льдин, течет широкая, полноводная река. А по мосту неторопливо прогуливаются люди, придерживая руками головные уборы – у воды очень ветрено.

Привокзальная площадь – та, где в любое время дня и ночи автомобильные пробки, – покрыта льдом и практически пуста. Лишь два одиноких конькобежца изящно скользят по ней, выписывая идеальные восьмерки.

Совершенно автоматически я поднимаюсь на мост, в полусне перехожу через реку, сворачиваю в переулок направо, долго безвольно петляю по незнакомым улицам – пока наконец тихая паника не овладевает всем моим существом. Я решаю вернуться обратно к метро, но уже не могу понять, с какой оно стороны. Я ускоряю шаг, почти бегу.

Мне навстречу идет женщина. У нее милое, доброе лицо. Задышавшись от быстрой ходьбы, задышавшись от отчаяния, я спрашиваю ее, как пройти к ближайшей станции метро. Она останавливается, приветливо улыбается и издает пронзительный, протяжный крик чайки. Потом прикрывает рот рукой – очень смущенно, словно только что сыто рыгнула за обеденным столом:

– Извините... Вам надо идти прямо, потом налево, и там сразу увидите. – Она кивает мне на прощание.

Я говорю:

– Подождите! Скажите, пожалуйста, где я нахожусь?

Она смотрит на меня несколько удивленно и отвечает:

– Вы находитесь в... И-о-и! – снова кричит чайкой.

– Где? – переспрашиваю я.

– В... И-о-и! И-о-и!.. Извините, пожалуйста. Никак не могу выговорить.

Она уходит.

Я иду, как она сказала, и действительно возвращаюсь к метро. Спускаюсь вниз. Лестница слишком короткая – всего пять-шесть ступенек, и я уже под землей.

Я стою на платформе и смотрю, как сбывается мой самый страшный сон.

Мне с детства снился этот сон. Я стою на платформе, и ко мне приближается красный блестящий поезд. Его цвет не такой, как у “Красной стрелы”, что отходит с Ленинградского вокзала в 23.55. Мой поезд – красный иначе. Он красный, как новенький американский гоночный автомобиль, сияющий на полуденном солнце. Он красный, как дорогой лак на ногтях у фотомодели. Он красный, как тонкое ажурное белье на теле шлюхи.

Он приближается, замедляет ход, а потом – нет, я не падаю под колеса, он не превращает меня в жуткое месиво, ничего такого не происходит. Он просто останавливается на перроне – но более сильного ужаса, но страшнее кошмара я не могу себе представить.

На этом месте я всегда просыпался, обливаясь холодным потом.

Теперь я стою на платформе. Ко мне приближается красный блестящий поезд. Он замедляет ход и останавливается на перроне. Я захожу внутрь, берусь рукой за поручень.

“Осторожно. Двери закрываются”.

Двери закрываются, и поезд трогается.

Задыхаясь, я мечусь по просторному пустому вагону. Следующая станция. Какая следующая станция?